

ТОЧНОСТЬ РЕЧИ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ РОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

ELLA G. KULIKOVA

SPEECH ACCURACY AND GRAMMATICAL CATEGORY OF GENDER IN MODERN RUSSIAN

**Элла Германовна
Куликова**

Доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры
массовых коммуникаций

► kulikova_ella21@mail.ru

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Российская Федерация, 117198,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Ella G. Kulikova

Doctor in Philology, Professor, Professor of the
Mass Communications Department

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,
6, ul. Miklukho-Maklaia, Moscow,
117198, Russian Federation

В последнее время внимание исследователей привлекают активизировавшиеся в русском языке вообще и в медийном пространстве в частности разнотипные феминитивы. Цель статьи — описать феминитивы с учетом родовых и гендерных корреляций в аспекте текстовой категории точности. Цель определила выбор адекватных методов исследования, в качестве которых использовались контекстуальный и лингвопрагматический анализ. В статье представлен расширительный ракурс проблемы феминитивов — в контексте функционирования категории грамматического рода в целом. Сделаны наблюдения относительно возможности категории рода и в особенности феминных образований способствовать формированию предметной, понятийной и эмоционально-эстетической (элокутивной) точности. Материалом для статьи послужили медиатексты 2022 г. Установлено наличие значимых для феминитивов корреляций по роду, которые включают в качестве нейтрального и немаркированный элемент, который реализует понятийную точность. Выбор такой единицы определяется ее регулярностью и лаконичностью, а реализуемая ею понятийная точность обеспечивает закономерную адекватность в восприятии текста любым адресатом. Маркированный член оппозиции — феминитив в прямом значении — формирует и реализует предметную точность. Еще один маркированный член оппозиции — феминитив в прямом значении — формирует и реализует предметную точность, а также эмоционально-экспрессивную (элокутивную) точность как категорию наиболее высокого уровня. Следовательно, привативная грамматическая оппозиция по роду может рассматриваться как двучленная с наличием следующих вариантов моделей: немаркированный мужской род — маркированный женский (феминитив в прямом значении); немаркированный мужской род — маркированный женский (феминитив в переносном значении). Представляется возможным также рассматривать грамматическую оппозицию по роду как трехэлементную: немаркированный мужской род — маркированный женский (феминитив в прямом значении) — маркированный женский (феминитив в переносном значении) с учетом контекстуальной обусловленности и реализации категории точности.

Ключевые слова: феминитивы, качества хорошей речи, понятийная точность, элокутивная точность, грамматическая категория рода, привативная грамматическая оппозиция.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

* The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-512-07001.

The author argues that recently research attention has been attracted by the various structural femininities that have become more active in the Russian language in general and in the media space in particular. The purpose of the article is to describe femininities taking into consideration generic and gender correlations in the aspect of the textual category of accuracy. This purpose has determined the choice of adequate research methods, which used methods of contextual and linguopragmatic analysis. The article presents an expansive view of the problem of femininities — in the context of the functioning of the grammatical gender category as a whole. Observations are made on the possibility of the gender category in general and temporary formations in particular to contribute to the formation of object, conceptual and emotional and aesthetic (elocutionary) accuracy. The article is based on the 2022 media texts. The correlations relating to gender significant for femininities has been detected, which include an unmarked element as neutral one, implementing conceptual accuracy. The choice of such a unit is determined by its regularity and conciseness, and the conceptual accuracy implemented by it ensures a natural adequacy in the perception of the text by any addressee. The marked member of the opposition, in particular the femininity in the direct meaning, forms and implements the object accuracy. Another marked member of the opposition, the femininity in the direct meaning, represents emotional and expressive (eloquent) accuracy as the category of the highest level. Thus, the privative grammatical opposition relating to gender can be considered as binomial with the following variants of models: unmarked masculine gender — marked feminine gender (femininity in the direct meaning); unmarked masculine gender — marked feminine gender (femininity in the figurative meaning). It is also possible to analyse grammatical opposition relating to gender as a three-element one: unmarked masculine gender — marked feminine gender (femininity in the direct meaning) — marked feminine (femininity in the figurative meaning), taking into consideration contextual conditionality and the implementation of the accuracy category.

Keywords: femininities, features of good speech, conceptual accuracy, eloquent accuracy, grammatical category of gender, privative grammatical opposition.

Введение

Категория рода личных имен существительных, как известно, представляет собой привативную грамматическую оппозицию с маркированным женским родом. Выбор немаркированного (мужской род) или маркированного (женский род) члена оппозиции определяется комплексом факторов, к которым относится и жанровая принадлежность текста. Так, тексты информационных и аналитических жанров, главная коммуникативная цель которых состоит в информировании и рациональном убеждении аудитории, редко включают эмоционально окрашенную лексику

[Мельникова 2014: 95], в том числе и феминитивы, многие из которых нередко связаны с различными коннотациями (чаще всего пейоративными). Публицистические тексты с их непременными доводами к этосу и пафосу часто содержат и полукодифицированные феминитивы [Табаква 2018: 278]. «Выбор между номинацией мужского рода и феминитивом-неологизмом, либо женской номинацией, имеющей отрицательную или сниженную коннотацию, может определяться коммуникативными задачами, которые решает автор медиатекста» [Кобяков 2022: 47]. В любом случае к коммуникативным задачам всегда относится формирование одного из главных качеств хорошей речи — точности (в одной из ее разновидностей — предметной, понятийной или элокутивной).

Материалы и методы

Материал для статьи черпался из современных источников — главным образом, актуальных публикаций и медиатекстов 2022 г. Формирование разных типов точности (предметной, понятийной и эмоционально-эстетической) с помощью форм грамматического рода существительных проанализировано с применением лингвопрагматического метода и контекстуального анализа.

Дискуссия

Категория рода в целом сегодня привлекает гораздо меньше исследовательского внимания, чем одна из частных проблем — проблема адекватного использования феминитивов. В многочисленных статьях, посвященных феминитивам, общим местом стало утверждение о том, что русский язык последнего десятилетия стал гораздо более терпимым к нестандартным образованиям типа *авторка*, *блогерка*, *режиссерка* [Беркутова 2018; Беркутова 2019; Бобылева 2021; Гузаерова 2021; Зауэр 2020; Мазикина 2020; Пугачева 2019; Фуфаева 2020]. Заметим, что это касается не только языка медиа, но и официальных сфер, куда совсем недавно доступ подобных форм был невозможен. Ср. феминитивы в тексте введения в работе М. П. Бобылевой «Мы так говорим» [2021]: «Есть еще книга *лингвистики* Ирины Фуфаевой «Как называются женщины» <...> Спасибо *психо-*

логине Заре Арутюнян, с которой мы весело и продуктивно провели не одну публичную дискуссию...» Основной текст указанной работы также изобилует феминитивами: «*Вот что пишет активистка и научная редакторка издания “Нож” <...> “В последнее время, особенно это заметно среди молодежи, дискурс смещается от вопросов сексуальной ориентации в сторону гендерной идентичности”, — рассказывает Юлия Малыгина, директорка организации “ЛГБТКИА Москва”.*»

Как известно, феминитивы этимологически коррелируют с социальными факторами, такими как приобщение женщин к высшему образованию (вторая половина XIX в.) и новым профессиям (первая треть XX в.). Именно это привело к лавинообразному росту соответствующих номинаций — *адвокатка, историчка, филологичка* в XIX в. и *избачка, вузовка, птицеводка* и т. д. в первые годы советской власти. Однако большинство таких новообразований не стали узусом и нормой: язык, особенно в его официально-деловой разновидности, по-прежнему предпочел обходиться наименованиями мужского рода. Причем оказалось, что категория рода проявляет себя в этой сфере как «капризно-нерегулярная»: если феминитив *учительница* стал узуальным (при известном ограничении в официально-деловом стиле), то *врачиха, докторша* так и остались на периферии языка, а от слов *хирург, стоматолог, педиатр* и многих других и вовсе не образуются женские корреляты, несмотря на распространенность профессии среди женщин. Последнее обстоятельство в рамках гендерной лингвистики, которая во многом находится под влиянием идей феминизма, расценивается как проявление свойственного европейским языкам андроцентризма: считается, что таким образом в языке завуалированно отражается превосходство мужчин. Но если в английской лингвокультуре под влиянием идей политкорректности происходит искусственное исключение единиц с сексистскими суффиксами (например, в лексикографии), то в современном русском языке, напротив, появляются единицы, подчеркнуто указывающие на женский пол — *авторка, блогерка, директорка, режиссерка* и т. д. Такие наименования редко являются нейтральными

в стилевом и эмоционально-экспрессивно отношении.

Совсем недавно основной функцией новых (или активизировавшихся старых) феминитивов справедливо считалось выражение пейоративности (что во многом обусловлено исторически — например, изначальным пейоративным характером суффиксов типа *-их*) в разные ее вариациях — ирония, сарказм, насмешка, осуждение, порицание и т. п. Однако в настоящее время феминитивы (особенно с суффиксом *-к*) все чаще используются в нейтральных контекстах (см. приведенные выше примеры). «Если еще несколько лет назад слово *авторка* можно было встретить только в узком кругу активисток, то сейчас *блогерки, кураторки и организаторки* становятся мейнстримом», — пишет М. П. Бобылева [Бобылева 2021: 211]. Действительно, то, что совсем недавно многим представлялось «феминистским чудачеством», активно завоевывает первые позиции. В интервью 1996 года кинорежиссер Э. А. Рязанов сказал, что делает телепередачи о тех актрисах, которых «... считает своими единомышленницами, если есть такое слово» [Мелихова 2008: 71]. Вряд ли сегодня, когда в официальных документах, размещенных на сайте Московского Международного кинофестиваля 2019 года, зафиксирована форма *режиссерка* (см. подробнее: <https://45.moscowfilmfestival.ru/archives/year-2019>), можно усомниться в узуальности слова *единомышленница*.

Как известно, в привативной родовой оппозиции имен существительных с семантикой лица (как антропонимов, так и апеллативов) немаркированный мужской род и маркированный женский выполняют разные функции. Мужской род пригоден для обобщенного высказывания, недаром обобщенно-собирающее значение категории числа существительных опирается именно на мужской род (*зритель, читатель* и др.) Существительные мужского рода с индивидуальной семантикой легко приобретают обобщенно-собирающее значение, а также значения класса, эталонного представителя (которое называют также «экземплифицирующим»; см.: [Ляшевская 2004: 18]), в то время как женские корреляты, даже самые узуальные, в таких значениях не отмечены.

Характерная для обобщенно-собирающего значения сочетаемость (типа *широкий зритель, массовый зритель*) невозможна для женского коррелята (**широкая зрительница, массовая зрительница*) (см. подробнее: [Архипкина 2005: 118]).

Мужской и женский корреляты антропонимов изначально нацелены на передачу разных типов точности. Еще Б. Н. Головин [1988] различал точность предметную и понятийную. Первая основана на корреляции языкового выражения и реальной действительности, а вторая — на соответствии семантического содержания грамматических форм и выражаемых им понятий. В нашем случае первой соответствует феминитив, точно указывающий на фрагмент реальной действительности, связанный с гендерной характеристикой (*учительница*), а второй — немаркированная форма (*учитель*), не нацеленная на передачу семантики реального пола.

Формы женского рода воинских званий с суффиксом -к обеспечивают наибольшую предметную точность в случае обозначения трансгендерных персонажей (такие формы нередко содержат иронический компонент): ср. заголовок статьи Д. Попова (Московский комсомолец, 20-26 июня 2022 г. С. 6) «*Адмиралка и прочие “диверсити”*». В лиде мы читаем: «*Одной из самых обсуждаемых фотографий на неделе была фотография трансгендерного адмирала США Рейчела Левина и зампомощника министра ядерной энергетики США Сэма Бринтона (тоже в женской одежде) в посольстве Франции на приеме в честь Дня взятия Бастилии*». Здесь же размещено фото двух названных деятелей в женской одежде.

В свое время А. И. Солженицын использовал формы с предельной предметной точностью типа *лейтенантка*, и это был протест против «холостящего советского обычая». Сегодня такая практика по-прежнему не имеет сколь-нибудь широкого распространения, однако в иных сферах, в наименованиях некоторых профессий (не связанных с армией) феминитивы распространились достаточно широко.

Феминитивы как маркированный член родовой оппозиции представляют собой более протяженные наименования. Для качественных медий-

ных текстов, далеких от ЛГБТ-тематики, характерна мена маркированного коррелята, связанного с прозрачным иконическим кодированием, и немаркированного, отражающего принцип языковой экономии. Ср.: «*Помню, у нас в МГУ на “Истории КПСС” преподаватель подробно рассказывала в самый разгар перестройки о вранье журналов “Огонек” и (даже) “Коммунист”, об их ангажированности и попытках перенести все дискуссии исключительно в эмоциональную сферу, ничуть не заботясь о реальной исторической действительности, вообще не принимая ее в расчет; а эта женщина (я потом учился у нее в аспирантуре) вовсе не была сталинисткой, скорее наоборот, просто она была профессионалом*» (Н. Сорокин «Искусство думать» // Завтра, 2022, № 28. С. 3).

Интересно, что в последнем случае женский коррелят по понятным причинам невозможен. Ср.: «*Введите в гугл-картинки слово “профессионал” — появятся мужчины в костюмах или в худшем случае с древью... А попробуйте “профессионалка” — и увидите, увы, проституток*» [Бобылева 2021: 212]. Е. В. Мелихова [2008] пишет о том, что в случае пары *профессионал-профессионалка* можно говорить о сформированной энантиосемии: мощная позитивная прагматика слова *профессионал* «...не просто деформируется, а обращается в свою противоположность в форме *профессионалка*». То есть остаются случаи (*врач, хирург, педиатр, профессионал* и многие другие), когда предметная точность создается исключительно за пределами словоформы — синтаксическими средствами. Причем координация с глаголами по женскому роду всего 60-70 лет назад вызывала такое же отторжение (см. подробнее: [Мелихова 2008]), какое сегодня вызывают активизировавшиеся феминитивы.

Современная норма диктует согласование прилагательных с существительными типа *врач* по мужскому роду в любом случае, а координацию с глаголом — в зависимости от реального пола (*хороший врач, но врач пришла*). В ближайшем будущем вполне возможны, на наш взгляд, изменения в норме, направленные на обеспечение большей предметной точности, поскольку сегодняшняя практика представляется далеко не иде-

альной, особенно в случаях, когда в узком контексте оказываются и глагол в женском роде, и атрибут в мужском: «*О зайцевской бирке вспоминала и ныне покойный худрук театра “Современник” Галина Волчек...*» (Экспресс-газета. Спецвыпуск. 2022, № 4. С. 2).

Как видим, соответствующее современной системной норме высказывание не производит впечатление гармоничной конструкции. Очевидно, пока норма не изменилась, лучше избегать соседства противоречащих друг другу родовых форм.

Особым образом обстоит дело с формированием предметной и понятийной точности в многочисленных случаях освещения такой специфической гендерной проблематики, как транслюди. В работе М. П. Бобылевой [2021: 208], которая совмещает черты исследования и словаря, дается поразительная рекомендация: называть человека надо в том роде и тем именем, которое он себе выбрал, причем даже если речь идет о прошлой гендерной идентичности. Иными словами, надо говорить не только *трансгендер Катя пришла в клуб*, но и «*в десять лет Катя поступила в футбольную школу, в 18 лет Катя пошла в армию, в 25 — женилась, в 27 стала родителем мальчиков-близнецов*».

Кроме транслюдей есть еще небинарные люди, которые не ассоциируют себя с определенным полом. Так, дочь актера Михаила Ефремова Анна-Мария — небинарный человек и говорит о себе в мужском роде, но при этом, отмечает М. П. Бобылева [2021], назвать ее «сыном» нельзя. В цитируемой работе, пафос которой состоит в том, чтобы дать рекомендации политкорректных номинаций для всех перечисленных случаев, связанных с гендером, предлагается использовать ту лексику и те грамматические формы, которые предпочитают эти люди.

Результаты исследования

Помимо предметной и понятийной точности, формы рода, и прежде всего — феминитивы, способны обеспечивать точность эмоционально-экспрессивную, эстетическую. После работ Е. Куриловича [1962] стало понятно, что в языке действует как тенденция к поляризации (тогда формируется максимальное различие между обосновывающей

и обоснованной формой — в нашем случае это феминитивы), так и пассивная сила идентификации (исходное маскулинное обозначение). Основная причина, вызывающая поляризационные процессы, — стремление к экспрессивности. Ср. шутку перестроечного времени о Валерии Новодворской — «*отцыха русской демократии*». При интенциональном использовании предметная и понятийная точность отходят на второй план, уступая точности более высокого порядка — точности эмоционально-экспрессивной или элокутивной. Ср.: «*Вместо этого за пределы нашей Родины выплеснулся небольшой табун айтишников, напуганных слухами же о мобилизации, немного пенсионеров-предпринимателей, вышедших давным-давно в кэши и кипрское гражданство, пожилые музыканты и, наконец, чемпионы неудачи — нервные хипстерки обоего пола, привыкшие устраивать в Москве, Екатеринбурге и Петербурге обнимательные вечеринки и важные квесты по Гарри Поттеру (и обнаружившие, что в Риге и Тбилиси рынок не тот)*» (В. Мараховский «Русский индивидуализм против шкурности» // Культура, 30 июня 2022. С. 3).

Хипстерки — сама по себе выразительная форма, *хипстерки обоего пола* — выражение с точки зрения предметной точности абсурдное, но в высшей степени удачное в плане точности элокутивной. Оно формируется не для идентификации, а для характеристики; его можно отнести к аллеотетам — грамматическим метафорам, которые, как все метафоры, дают новую когнитивную информацию в сочетании с экспрессивной оценочностью и передают отношение номинатора к объекту. Новая когнитивная информация определяется в этих случаях прежде всего мировосприятием отправителя речи и его креативными возможностями.

К грамматическим (или лексико-грамматическим) метафорам, задействующим в том числе и категорию рода, можно отнести ставшие популярными медийные выражения типа *коллективная Грета Тутберг*. Ср.: «*А потом выяснилось, что коллективный Александр Проханов был прав, а Макаревич — нет*» (В. Полупанов «Мы эту обстановку накричали». Интервью с З. Прилепиным

// Аргументы и факты, 2022, № 28. С. 19). *Коллективный Макаревич* — это на сегодняшний день и Чулпан Хаматова, и Татьяна Лазарева, и Анна Нетребко, и ряд других деятелей культуры мужского и женского пола. В такой лексико-грамматической метафоре задействован фактор лексического значения, нейтрализован признак пола, но на первый план выдвинута оценка. Такая метафора в полной мере выполняет функцию концептуализации понятий и создания эмоционально-экспрессивной точности.

Выводы

Итак, немаркированный член родовой оппозиции в сфере антропных наименований, формирующий понятийную точность, выступает в позиции нейтрализации гендерных различий. Он может быть предпочтен по причине большей частотности и более свободной дистрибуции: он менее зависим от контекста и воспринимается с меньшими усилиями, поскольку наиболее лаконичен. В контекстах, актуализирующих гендерную семантику и соответственно формирующих предметную точность, используется маркированный женский род — феминитивы. И наконец, феминитивы в переносном значении формируют точность более высокого порядка — точность эмоционально-экспрессивную (элокутивную).

ЛИТЕРАТУРА

- Архипкина 2005 — Архипкина Г. Д. *Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа*. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2005. 267 с.
- Беркутова 2019 — Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект. *Филологический аспект*. 2019, 1 (45): 7–26.
- Беркутова 2019 — Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект. *Филологический аспект*. 2018, 11 (43): 6–22.
- Бобылева 2021 — Бобылева М. П. *Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать*. М.: АСТ, 2021. 224 с.
- Головин 1988 — Головин Б. Н. *Основы культуры речи*. Изд.-е 2. М.: Высшая школа, 1988. 302 с.
- Гузаерова 2021 — Гузаерова Р. Р. *Феминитивы в русскоязычном медианпространстве: словообразовательный аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2021. 22 с.
- Зауэр 2020 — Зауэр А. А. Феминитивы в русскоязычном интернет-пространстве. *Ученые записки Новгородского госу-*

дарственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020, 2 (27): 2–12.

Кобяков 2022 — Кобяков А. В. Журналистские жанры и феминитивы: влияние на языковую практику. В сб.: *Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: материалы VI Междунар. научн. конференции (СПб, 30 июня — 2 июля 2022 г.)*. Науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медианапир, 2022. С. 45–49.

Курилович 1962 — Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. Сборник статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 452 с.

Ляшевская 2004 — Ляшевская О. Н. *Семантика русского числа*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.

Мазикина 2020 — Мазикина Л. М. *Малый справочник феминитивов*. М.: Издательское решение, 2020. 40 с.

Мелихова 2008 — Мелихова Е. В. *Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка)*. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 170 с.

Мельникова 2014 — Мельникова Е. А. Точность и достоверность как критерии информативности текста новостного сообщения. *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание*. 2014, 5 (24): 94–100.

Пугачева 2019 — Пугачева Е. В. Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей). В сб.: *Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка. (Москва, 20–23 марта 2019 г.)*. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 88–89.

Табакова 2018 — Табакова З. П. Язык публицистики: топология и новаторство. В сб.: *Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность*. Симферополь: Ариал, 2018. С. 270–278.

Фуфаева 2020 — Фуфаева И. В. *Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция*. М.: АСТ, 2020. 301 с.

REFERENCES

- Архипкина 2005 — Arkhipkina G. D. *Cognitive bases and anthropocentric parameters of the grammatical category of numbers*. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2005. 267 p. (In Russian)
- Беркутова 2018 — Berkutova V. V. *Feminitives in Russian: historical aspect*. In: *Filologicheskii aspekt*, 2018, 11 (43): 6–22. (In Russian)
- Беркутова 2019 — Berkutova V. V. *Feminitives in Russian: linguistic aspect*. In: *Filologicheskii aspekt*, 2018, 1 (45): 7–26. (In Russian)
- Бобылева 2021 — Bobileva M. P. *That's what we say. Offensive words and how to avoid them*. Moscow: AST Publ., 224 p. (In Russian)
- Головин 1988 — Golovin B. N. *Fundamentals of speech culture*. Izd.-e 2. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1988. 302 p. (In Russian)
- Гузаерова 2021 — Guzaerova R. R. *Feminitives in the Russian-speaking media space: the word-formation aspect*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 2021. 22 p. (In Russian)

Зауэр 2020 — Zauhr A. A. Feminities in the Russian-speaking Internet space. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2020, (27): 2–12. (In Russian)

Кобяков 2022 — Kobayakov A. V. Journalistic genres and feminities: influence on language practice. In: *Media linguistics. Issue 9. Language in the coordinates of mass media: Proceedings of the V International Scientific Conference (St Petersburg, June 30 — July 2, 2022)*. Scientific ed. by L. R. Duskaeva, ed. by A. A. Malyshchev. St Petersburg: Mediapapir Publ., 2022. P. 45–48. (In Russian)

Курилович 1962 — Kurilovich E. *Essays on linguistics. Collection of articles*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1962. 452 p. (In Russian)

Ляшевская 2004 — Lyashevskaya O. N. *Семантика русского числа*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 390 p. (In Russian)

Мазикина 2020 — Mazikina L. M. *Small Handbook of Feminities*. Moscow: Izdatel'skoe reshenie Publ., 2020. 40 p. (In Russian)

Мелихова 2008 — Melikhova E. V. *Problems of lexicography of the construct "gender" (based on the material of the Russian*

language). Unpublished PhD theses. Rostov-on-Don, 2008. 170 p. (In Russian)

Мельникова 2014 — Mel'nikova E. A. Accuracy and reliability as criteria of informative content of the news message text. In: *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2014, 5 (24): 94–100. (In Russian)

Пугачева 2019 — Pugacheva E. V. Feminities: geological picture (according to dictionaries). In: *The Russian Language: Historical Destinies and Modernity: VI International Congress of the Russian Language Researchers. (Moscow, March 20–23, 2019). Works and materials*. Moscow: Izd-vo MGU Publ., 2019. P. 88–89. (In Russian)

Табакова 2018 — Tabakova Z. P. The language of journalism: topology and innovation. In: *Semantics and pragmatics of linguistic units: history and modernity*. Simferopol, 2018. P. 270–278. (In Russian)

Фуфаева 2020 — Fufaeva I. V. *What are women called. Feminities: history, device, competition*. Moscow: AST Publ., 2020. 301 p. (In Russian)